

ОШО

ОШО

ПРОСВЕТЛЕНИЕ – ПУТЕШЕСТВИЕ БЕЗ НАЧАЛА И КОНЦА

Последний цикл
бесед Ошо

Путь мистика

Бхагаван Раджниш (Ошо)

**Просветление – путешествие
без начала и конца.**

Последний цикл бесед Ошо

ИГ "Весь"

Раджниш (Ошо) Б. Ш.

Просветление – путешествие без начала и конца. Последний цикл бесед Ошо / Б. Ш. Раджниш (Ошо) — ИГ "Весь", — (Путь мистика)

Вашему вниманию предлагается уникальное издание – последний цикл бесед Ошо, своеобразное духовное завещание великого мистика XX века. В этой книге Ошо говорит о дзен как о философии, учении, образе жизни. Он убежден, что современному человеку, который запутался в сетях средств массовой информации, религиозной догматики и общественных предрассудков, необходимо что-то, что окажется не просто утешением, а преобразит его изнутри, совершит в нем глубокие изменения. Ошо предлагает попробовать дзен. Подобно древним буддийским мудрецам, он помогает читателю понять это учение и принять его как образ жизни. Он рассказывает, как распрограммировать свой ум, который обусловлен религиями, воспитанием, общественной системой, и, пробудив внутренний свет, пережить новое рождение – стать чистым сознанием и узнать, что такое просветление. «Этому путешествию нет конца, это бесконечное паломничество. Вы все время прибываете и прибываете, но никогда не придете. С каждым мгновением вы все глубже погружаетесь в блаженство, в экстаз, в истину, и предела этому нет» (ОШО).

© Раджниш (Ошо) Б. Ш.

© ИГ "Весь"

Содержание

Глава 1. Это исчезновение – анната	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)
Просветление – путешествие без начала
и конца. Последний цикл бесед Ошо

Перевод с английского языка А. В. Степанова (*Swami Deva Zaka*)

Глава 1. Это исчезновение – анната

Когда Тенджику спросили о случае с Танкой, который сжег статую, тот ответил:

– Когда холодно, мы собираемся вокруг очага, где горит огонь.

– Прав он был или нет? – упорствовал монах.

– Когда жарко, мы сидим в бамбуковом лесу в долине, – ответил Тенджику.

На следующий день после сожжения статуи Танка Теннен отправился пови-
дать Нанё, который когда-то был учеником Эно и Дзен-мастером императора. Когда
Танка развернул свою циновку для дзадзен, Нанё сказал:

– Не нужно.

Танка сделал несколько шагов назад.

Нанё сказал:

– Правильно.

Тогда Танка сделал несколько шагов вперед.

Нанё сказал:

– Неправильно.

Танка один раз обошел вокруг Нанё и ушел.

Нанё заметил:

– Прежние золотые дни давно миновали, а сейчас люди очень ленивы. Через
тридцать лет этого парня будет трудно ухватить.

* * *

Друзья, пришло время для манифеста Дзен.

Западная интеллигенция познакомилась с Дзен и влюбилась в него, но, как бы то ни
было, она пытается постичь Дзен через ум. Она еще не пришла к пониманию того, что Дзен
не имеет с умом ничего общего.

Основная задача Дзен – вызволить вас из тюрьмы ума. Это не интеллектуальная фило-
софия; это вообще не философия. Это также и не религия, потому что в нем нет вымысла и
нет лжи, нет утешений. Это львиный рык. И важнейшее, что Дзен принес в мир, – это свобода
от самого себя.

Все религии призывают отбросить свое эго, но это очень странно: они хотят, чтобы вы
отбросили свое эго, в то время как эго – это просто тень Бога. Бог – это эго Вселенной, а эго
– это ваша личность. Точно так же, как, по мнению религий, Бог является самым центром
Существования, ваше эго является центром вашего ума, вашей личности. Все религии говорят
об отбрасывании эго, однако эго невозможно отбросить, пока не будет отброшен Бог. Невоз-
можно отбросить тень или отражение, пока не будет разрушен источник их появления.

Поэтому религии на протяжении веков продолжали твердить о том, что вы должны изба-
виться от эго, – но их основания были ошибочными. Они требовали отбросить эго, чтобы вы
могли сдаться Богу, чтобы вы могли сдаться священникам, сдаться всей этой чуши, всем этим
теологиям, суевериям, системам веры.

Но эго невозможно отбросить, если оно является отражением Бога. Бог – это ложь где-
то там во Вселенной, а эго – это ложь внутри вашего ума. Ваш ум просто отражает большую
ложь пропорционально своему размеру.

Религии поставили человечество перед серьезной дилеммой: они все время прославляли
Бога и все время осуждали эго. В результате люди оказались в совершенно расщепленном

состоянии, в шизофреническом пространстве. Они изо всех сил старались отбросить эго, но чем сильнее они старались, тем труднее становилось его отбросить – потому что кто собирался его отбросить? Эго пыталось отбросить само себя. Это неосуществимо. И поэтому даже у самых смиренных так называемых религиозных людей хотя эго становится чрезвычайно тонким и трудноуловимым, но оно по-прежнему остается. Его можно увидеть в глазах ваших святых.

Один из моих саньясинов посетил У. Г. Кришнамурти¹, и, поскольку он начал с ним спорить, У. Г. Кришнамурти сразу же разозлился. Люди, подобные У. Г. Кришнамурти, призывают других отбросить гнев, отбросить жадность, отбросить эго. Но если их спровоцировать... Вся их религия лишь на поверхности. Внутри скрывается очень «благочестивое» эго, а когда эго становится «благочестивым», оно становится ядовитым. Оно еще опаснее, поскольку вы совершенно о нем не подозреваете; оно погружается очень глубоко в подсознание.

У. Г. Кришнамурти двенадцать лет прожил с Дж. Кришнамурти², но никогда о нем не упоминает. Если кто-нибудь произносит имя Дж. Кришнамурти, У. Г. Кришнамурти сразу же начинает осуждать Дж. Кришнамурти – а ведь все, что он говорит, это всего лишь подражание Дж. Кришнамурти, парафраз. Его нежелание признать тот факт, что он двенадцать лет был с Дж. Кришнамурти, объясняется очень просто. Как только он это признает, вы можете начать сравнивать его высказывания с высказываниями Дж. Кришнамурти и обнаружите, что это просто пересказ. Он повторяет, имитирует; он ничего не знает.

Такие люди существовали в мире во все времена. Они испробовали все, что предлагали им религии, но никакие их усилия не могут устранить тень. Если бамбук отбрасывает тень, то невозможно убрать тень бамбука, пока вы не уберете сам бамбук. Тени невозможно устранить напрямую; они – побочный продукт. Если бамбук остается, тень тоже останется. Она просто может стать очень трудноуловимой.

Я слышал историю о лисе, которая вылезла из своей норы...

Рано утром, когда у нее за спиной взошло солнце, ее тень оказалась очень длинной. Лиса сказала: «О, Боже! Я такая большая? Мне нужен почти целый верблюд на завтрак!» И она начала искать себе на завтрак верблюда.

Но лисе не удалось найти верблюда. Уже наступил полдень, и теперь солнце сияло прямо у нее над головой. Лиса была очень голодна. Она снова взглянула на свою тень и увидела, что ее больше нет.

Однако тень не исчезла, она просто переместилась под лису. Пока есть лиса, остается и тень, – но теперь она совершенно невидима для лисы. Всем остальным тень видна, но сама лиса ее не видит; тень просто переместилась под нее.

Именно это происходит с так называемыми религиозными людьми. Они загоняют свою тень, свое эго, свой гнев, жадность, амбиции в подсознание. Но в подсознании все эти качества продолжают существовать, и они становятся гораздо опаснее, потому что вы их не осознаете. Вы думаете, что они исчезли.

Пока мой саньясин не начал спорить с У. Г. Кришнамурти, тот был просто знаменитым святым – таким безмолвным, таким спокойным. Когда же начался спор, он испугался, что его уличат – он не мог ответить на вопросы, – и неожиданно возник гнев. Возможно, он не осознавал этот гнев, но мой саньясин помог ему! И ему хотелось избавиться от этого саньясина.

¹ Уппалуру Гопала Кришнамурти, больше известный как У. Г. Кришнамурти, или просто У. Г. – оратор и философ, которого часто называли «антигуру». – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Джидду Кришнамурти – индийский философ, духовный учитель.

Сам У. Г. Кришнамурти не является подлинным и искренним человеком, но вы можете оказаться обманутыми, потому что он повторяет красивые фразы. У него прекрасная память и высокий интеллект, но все это – тень.

Даже подлинный человек, Дж. Кришнамурти, очень злился, едва завидев моих саньясинов. Я просил своих саньясинов по всему миру, чтобы везде, где бы ни выступал Кришнамурти, они садились в первом ряду. В то время саньясины носили оранжевые одежды, и у них были *малы*³ с моей фотографией в медальоне, поэтому они были легко узнаваемы.

Как только Дж. Кришнамурти видел моих саньясинов подле себя, он забывал, о чем собирался говорить. Он начинал осуждать меня и саньясу. Человек, который всю жизнь говорил об осознанности, совершенно забывал, о чем намеревался сказать. И такое происходило не однажды... потому что мои саньясины были везде. Где бы он ни выступал: в Лондоне, в Сан-Франциско, в Бомбее, в Нью-Дели, в Мадрасе, – где бы он ни выступал, мои саньясины были там, в самых первых рядах.

Он испытывал ко мне такое отвращение, что, едва завидев саньясинов, полностью терял контроль. Иногда он даже начинал бить себя по голове, восклицая: «Зачем вы сюда пришли? Я против саньясы». А я сказал моим людям: «Смейтесь от души! Пусть он как следует разозлится! Это заставит проявиться подлинного человека, который в нем спрятан». Он даже не мог понять, почему всегда так происходит, что он отвлекается. Он начинал осуждать меня, осуждать саньясу и почти превратился в невротика.

Когда он видел моих смеющихся саньясинов, это было все равно что подливать масло в огонь, и он злился все сильнее и сильнее. Он не мог понять, почему эти люди не обижаются, а, напротив, смеются. Все время его беседы уходило на саньясинов.

Беседовать о прекрасных вещах, постигать их интеллектуально очень просто. Кришнамурти был принужден к этому теологами особого направления, членами Теософского общества. В начале прошлого столетия это была всемирная организация, которая готовила Дж. Кришнамурти к роли мирового учителя.

Никто не может подготовить кого-либо к роли мирового учителя; все, что подготавливается, окажется фальшивым. Во имя дисциплины теософы едва ли не истязали Кришнамурти. Он попал к ним в руки в возрасте девяти лет, и с этого момента ему не позволялось выходить в мир, не позволялось бывать в обществе. В него все время вбивали священные писания. Он должен был вставать в три часа утра, совершать холодное омовение и готовиться к встрече с теософами, лидерами движения, которые декламировали ему санскритские писания, тибетские писания, писания Дзен. А он почти спал – девятилетний ребенок... И это продолжалось, пока ему не исполнилось двадцать пять лет.

Они смогли создать особую личность – создать можно только личность – и надеялись, что им удалось создать мирового учителя. Он писал прекрасные стихи, прекрасные статьи, которые публиковались подразделением Теософского общества, созданным специально для Дж. Кришнамурти. Эта организация называлась «Звезда Востока». Она издавала журналы, периодические издания, литературу, где все было о Кришнамурти, и готовила таким образом по всему миру атмосферу для принятия его в качестве мирового учителя.

Однако все это навязывалось извне. Дж. Кришнамурти не достиг реализации, но был достаточно разумен, чтобы понемногу постичь все священные писания. К тому же он был честным, в то время как У. Г. Кришнамурти нечестен.

В конце концов, теософы решили, что он готов; они собрали всемирную конференцию в Голландии, которая была их крупнейшим в мире центром. Шесть тысяч лидеров теософского движения из всех стран собрались, чтобы принять Дж. Кришнамурти и провозгласить его мировым учителем.

³ *Мала* – ожерелье, которое носят саньясины Ошо. Состоит из ста восьми бусинок и медальона с портретом Ошо.

Он поднялся на сцену... И это был исторический пример честности, когда он сказал: «Я – не мировой учитель». Для всего теософского движения это оказалось ударом. Это разрушило все движение. Но он полностью изучил всю важнейшую литературу по мистицизму. Он распустил специально созданную для него организацию, «Звезду Востока», покинул Теософское общество и всю свою жизнь провел в оппозиции.

Он был гигантом интеллекта. Его реакция была направлена на всех, кто заставлял его делать то, что не было для него естественным. Ему вообще не позволялось быть естественным. Ему не позволялось встречаться с девушками, не позволялось общаться с обычными людьми. Ему не позволялось ходить в обычную школу или колледж; у него были только частные учителя – чтобы для мира он выглядел сверхчеловеком, явившимся как Божий мессия.

И очевидно, что, если бы Кришнамурти был нечестным, он мог бы заявить миру: «Я – мировой учитель». Он был готов к этому – в том, что касается интеллекта, его память была полностью запрограммирована. Но поскольку все это было навязано, это одновременно вызывало бунт в глубине его души. Он не знал ничего из того, о чем говорил и писал. Он не знал ничего.

Одна из его лучших книг называется «У ног мастера». Она была опубликована, когда ему было всего тринадцать или четырнадцать лет, – просто, чтобы доказать, что даже в возрасте четырнадцати лет он может написать такую замечательную книгу. Но ее написал не Кришнамурти; она была написана человеком по имени Ледбитер. Ледбитер был одним из его учителей и очень серьезным исследователем восточных религий.

Я изучил всю литературу Теософского общества того времени, чтобы выяснить, чей это стиль, кому могла принадлежать эта книга. Ледбитер написал уже множество книг, продемонстрировав при этом выдающийся интеллект и ученость. Книга, опубликованная под именем Дж. Кришнамурти, была написана им и, возможно, доработана другими. Дж. Кришнамурти даже не помнил, когда он ее писал...

Когда он оставил теософское движение, его спросили: «Что вы скажете о книге „У ног мастера“, которая стала мировым бестселлером?» Это прекрасная книга. Но он ответил: «Я не знаю. Не помню, чтобы я ее писал».

Он был честным человеком, но из-за того, что все эти вещи были ему навязаны, возникло противодействие, бунт, и всю свою жизнь он прожил в этом противодействии. Теософское движение разрушило этого человека. Он мог стать Гаутамой Буддой – у него были все шансы – но из-за этого противодействия он всю свою жизнь боролся с теми мертвыми учителями, с мертвыми лидерами Теософского общества – с Анни Безант, Ледбитером и другими. Всю свою жизнь он сражался с тенями – выступая против мастеров, против мистиков, против священных писаний, – но это пришло к нему не как откровение, а как реакция.

По вине Теософского движения вся его жизнь была растратчена впустую. Если бы они позволили ему расти естественно, тогда у него был бы шанс; у этого человека был потенциал стать Гаутамой Буддой. Но они его разрушили, и он не смог от них избавиться. Эти тени, среди которых он жил в раннем детстве, настолько укоренились, что он стал с ними бороться. Он жил в негативности; а жить в негативности и при этом получать питание и расцвести в цветок лотоса невозможно.

Поэтому даже Дж. Кришнамурти не был просветленным, а У. Г. Кришнамурти – это лишь тень непросветленного интеллектуального гиганта. У. Г. Кришнамурти даже не интеллектуальный гигант, но он продолжает поучать теми же самыми словами, используя тот же самый язык, и пытается скрыть этот факт.

Как раз на днях я прочитал о нем статью в газете. Интервьюер спросил его: «Когда и где вы стали просветленным?» И он ответил: «Я не знаю, когда и где».

Просветление не происходит во времени или в пространстве. «Когда» и «где» – это время и пространство. Просветление случается, когда вы нигде и никто. Оно случается, когда суще-

ствуется вечность, и нет никакого времени. Но его ответ может произвести впечатление на многих людей – люди очень доверчивы.

Я рассматриваю его случай по конкретной причине – потому что вся западная интеллигенция стала проявлять громадный интерес к Дзен, но ее интерес остается интеллектуальным. Написаны огромные книги, и в этом Манифесте мы будем говорить почти о каждом, кто написал книги о Дзен.

Я хочу, чтобы вы действительно поняли, что все эти интеллектуалы, возможно, написали прекрасные книги... Я отдаю должное их учености, я отдаю должное четкости их формулировок, но это не люди Дзен, не говоря уже о мастерах Дзен. И поэтому совершенно необходим этот Манифест – чтобы всему миру стало ясно, что Дзен – не занятие для ума. Это пространство не-ума.

Я говорил вам, что все религии призывают отбросить эго. Дзен выходит за пределы эго и за пределы «Я». Кроме Дзен, ни одна религия не подошла к точке выхода за пределы «Я», за пределы *атмана*, за пределы вашего духа, за пределы вашей индивидуальности. Этот вклад в человеческое сознание целиком сделан одним-единственным человеком – Гаутамой Буддой.

Дзен – это наивысшее цветение. Постепенно, постепенно совершенствуя образ Гаутамы Будды, каждый мастер придавал ему новый штрих, некое новое измерение. Но во всей истории человечества Гаутама Будда – единственный, кто сказал: «Просто отбросить эго не получится. Однако его легко можно отбросить, если отбросить Бога». Он отбросил Бога – и эго исчезло. Луна исчезла. Отражение исчезло. Он отошел от зеркала – и зеркало стало пустым. Его отражение в зеркале исчезло. До сих пор он сражался лишь с отражением...

Я слышал об одной уродливой женщине...

Она очень не любила зеркала – потому что только зеркала показывали ей, что она уродлива. Если поблизости не было зеркала, она считала себя красавицей. И всякий раз, едва завидев зеркало, – даже в чужом доме, – она тут же его разбивала. Причина была в том, что зеркала заставляли видеть свою уродливость.

Бедные зеркала не имели ничего общего с ее уродливостью. Она была уродлива, но перекладывала ответственность на зеркала, сражалась с зеркалами.

В этом суть всех ваших религий: борьба с зеркалами, с тенями, попытки отбросить эго, не отбрасывая Бога. Эго – это лишь отражение лжи в крошечном пруду вашего ума.

Гаутама Будда отбросил идею Бога и с изумлением обнаружил, что с исчезновением Бога исчезло и эго. Оно было лишь отражением Бога. И отсюда мое стремление убрать Бога. Не убрав Бога, вы не сможете убрать эго. Это тень в крошечном пруду вашего ума, тень главной лжи. А затем, когда эго исчезло вместе с Богом, Будда понял, что даже «Я» должно исчезнуть.

Существуют религии, в которых есть Бог, эго и «Я»: иудаизм, христианство, мусульманство, индуизм. И существуют религии, в которых нет Бога: даосизм, буддизм, джайнизм – однако в них есть «Я». Поскольку Бога в них нет, эго исчезает само собой. И теперь все их устремления направлены на то, чтобы сделать свое «Я» чистым, благочестивым. Теперь возникает усилие другого типа.

Будда – единственный человек, который сказал: «Если нет Бога и нет эго, то „Я“ тоже является произвольным, искусственным». Погружаясь глубже в свое внутреннее пространство, вы неожиданно обнаруживаете, что исчезаете в океаническом сознании. «Я» как таковое не существует. Вас больше нет, есть только Существование.

И поэтому я говорю, что Дзен по своей сути – это свобода от самого себя. Вы слышали о других свободах, но свобода от самого себя – это наивысшая свобода: не быть и позволять Существованию выражать себя во всей своей спонтанности и величии. Но это Существование, а не вы и не я. Это танцует сама жизнь, а не вы, не я.

Таков манифест Дзен: свобода от самого себя.

И только в Дзен существуют отточенные за двадцать пять веков методы, средства, помогающие вам осознать, что вас нет, что вы – лишь условность, лишь представление.

Когда вы выходите за пределы ума, исчезает даже представление о том, что «я есть». Только когда «Я» исчезает, и вы начинаете чувствовать глубокую вовлеченность в Существование без границ – только тогда в вас расцветает Дзен. По сути, это состояние, пространство пробужденного сознания. Но в его центре нет ни «Я», ни *атмана*, ни личности.

Чтобы вам стало понятнее... Сократ говорит: «Познай самого себя». Гаутама Будда говорит: «Познай, просто познай, и ты не обнаружишь себя». Погружайтесь глубже в свое сознание, и по мере того, как вы погружаетесь глубже, ваше «Я» начинает растворяться. Возможно, именно по этой причине ни в одной религии, кроме Дзен, не было попыток использовать медитацию – ведь медитация разрушит Бога, разрушит эго, разрушит «Я». Она оставит вас в абсолютном небытии. И именно ум заставляет вас бояться небытия.

Почти каждый день мне задают вопросы: «Почему мы боимся небытия?»

Вы боитесь, потому что *не знаете* небытия. И вы боитесь только потому, что рассуждаете интеллектуально: «Какой в этом смысл? Если в медитации я должен исчезнуть, то лучше оставаться в уме». По крайней мере, вы есть – пусть это иллюзия, пусть это лишь представление, но, по крайней мере, вы есть. Какой смысл предпринимать все эти усилия только для того, чтобы исчезнуть в небытии?

Ум заставляет вас опасаться выхода за границы ума, потому что за границами ума вас больше не будет. Это будет окончательной смертью.

Гаутама Будда умирает окончательно; вы умираете лишь временно. Возможно, всего несколько минут, несколько секунд – и вы войдете в другую утробу. В мире постоянно, круглые сутки, глупые люди занимаются любовью, и вам даже не нужно отправляться в дальнее путешествие, вы найдете их поблизости. Двадцать четыре часа в сутки миллионы пар занимаются любовью, и поэтому, какой бы ни оказалась ближайшая пара, вы умираете и тут же рождаетесь. Промежуток очень мал.

Но просветленный человек, человек, познавший свое небытие, свое «не-я», свою *анатту*, просто исчезает в космосе.

Ум боится, и это кажется логичным, очевидным: «Какой смысл? Зачем человеку заниматься тем, в результате чего он исчезнет?»

Гаутаме Будде снова и снова говорили: «Странный ты парень. Мы пришли к тебе, чтобы реализовать свои „Я“, а твоя медитация служит для того, чтобы *раз*-реализовать наши „Я“».

Сократ был великим гением, но он был ограничен умом: «Познай самого себя»... Не существует никакого «себя», чтобы его познавать. Таков манифест Дзен, обращенный ко всему миру. Познавать нечего. Нужно просто быть единым с Целым. И не нужно бояться...

Просто задумайтесь на мгновение: когда вы еще не родились, существовало ли какое-то беспокойство, какие-то тревоги, страхи? Вас не было, и не было проблем. Проблемой являетесь *вы* – началом проблем; а затем, по мере того как вы растете, проблем становится все больше и больше... Но были ли какие-то проблемы до вашего рождения?

Мастера Дзен все время спрашивают новичков: «Где ты был до того, как родился твой отец?» Абсурдный вопрос, но чрезвычайно важный. Вам говорят: «Если тебя не было, то не было и проблем. А тогда – зачем беспокоиться?» Если ваша смерть станет окончательной смертью, и все границы исчезнут, то вас больше не будет, но будет Существование. Будет танец, но не будет танцора. Будет песня, не будет певца.

Единственная возможность испытать это на опыте – погрузиться глубже ума, в самую глубину своего существа, в самый источник жизни, из которого проистекает ваша жизнь. Неожиданно вы обнаруживаете, что ваш образ себя был случайностью. У вас нет образа, вы бесконечны. Вы жили в клетке. В тот момент, когда вы осознаете, что ваши источники бесконечны, ваша клетка вдруг исчезает, и вы можете расправить свои крылья и исчезнуть в голубом небе.

Это исчезновение – *анатта*, это исчезновение – свобода от самого себя. Но это невозможно осуществить с помощью интеллекта, это возможно только через медитацию. Дзен – это другое название медитации.

Сотни прекрасных книг появились на Западе с тех пор, как один очень странный человек, Д. Т. Судзуки, познакомил Запад с Дзен. Он стал первооткрывателем, но он не был ни мастером Дзен, ни даже человеком Дзен. Он был известным ученым, и его влияние на интеллигенцию распространилось во всех странах. Он сразу же стал очень популярен.

Поскольку старые религии рушатся, особенно на Западе... Христианство – это лишь название, его империя распадается. Оно пытается удержаться, но это невозможно. Оно разваливается на части, и пустота с каждым днем становится все больше и больше, как ужасающая бездна, вид которой вызывает тошноту.

Книга Жана Поля Сартра «Тошнота» очень примечательна. При виде бездонной ямы, этой бессмысленной жизни – того, что вы совершенно случайны, не нужны, произвольны – вы теряете все свое достоинство. И чего вы ждете? – кроме смерти ждать нечего. Это создает глубочайшее беспокойство: «Мы ничего не стоим... мы никому не нужны... Существованию на нас наплевать».

И в этот самый момент на горизонте Запада возник Д. Т. Судзуки. Это был первый человек, который рассказывал о Дзен в западных университетах, колледжах, и он приобрел огромный успех у интеллигентных людей, потому что они утратили веру в Бога, утратили веру в Святую Библию, утратили веру в римского папу.

Только сегодня почти дюжина немецких епископов выступила с заявлением, что папа переходит все границы, что его постоянные проповеди против контроля над рождаемостью подводят человечество к той черте, где половина населения мира умрет с голоду; что папу больше не следует слушать.

И это настоящий бунт. Эта дюжина епископов в Германии сформировала комитет, и их ряды все больше и больше растут; они утверждают, что папа не является непогрешимым. Вся история показывает, что папы и архиепископы могут ошибаться. А все эти представления о непогрешимости папы сделали его абсолютным диктатором. Сейчас это недопустимо.

Начало нашего столетия было ознаменовано бурным всплеском энергии, направленным против всех старых религий, особенно в процветающих странах Запада. У бедных стран на это нет времени; у них нет даже достаточного количества пищи, нет питания. Все их время уходит на добывание еды, одежды, на поиски приюта. Они не могут обсуждать глобальные вопросы жизни; они не могут о них даже задуматься. Их забота – еда, а не Бог!

Именно поэтому бедняков так легко обратить в христианство – просто дав им еду, предоставив приют, помощь. Но на самом деле они не обращаются в христианство. Они просто не интересуются Богом. Их не интересует никакая система веры; самое главное для них то, что они голодают и хотят есть!

Когда вы голодаете и хотите есть, вы не думаете о Боге, не думаете об аде или рае. В первую очередь вы думаете о том, где добыть немного хлеба и масла. И если кто-то даст вам хлеб с маслом, при условии что вы станете католиком, вы согласитесь, чтобы не умереть с голоду.

Поэтому бедные страны все больше и больше становятся католическими, все больше и больше становятся христианскими. Однако на самом Западе христианство теряет свое влияние. Церковь посещают не более двадцати пяти процентов населения. Семьдесят пять процентов людей совершенно разочарованы. Эти двадцать пять процентов в большинстве своем – женщины, и они ходят в церковь по особой причине: это единственное место, где можно посплетничать, встретиться с другими женщинами, посмотреть, кто лучше одет, у кого лучше шуба, у кого лучше украшения, у кого лучше автомобиль. Церковь – это единственный клуб,

куда допускают женщин. Все остальные клубы – для мальчишек, где состарившиеся мальчишки разговаривают о женщинах, но самих женщин не пускают.

Даже на вечеринках, после того как закончится ужин, женщины удаляются в отдельное помещение и оставляют мальчишек одних. Мальчишки будут пить, кричать, драться и нести всякую чушь, которую они не могут произнести в присутствии женщин, так как им немного неловко. И поэтому женщины удаляются. И это хорошо, поскольку женщинам тоже есть о чем посплетничать: кто в кого влюбился. Пусть мальчишки занимаются своим делом; состарившиеся девчонки будут заниматься своим.

Церковь – единственное место, в котором все религии позволяют женщинам собираться вместе; на все прочие общественные собрания они не допускаются. Женщины не могут быть членами многих организаций, многих клубов; все эти организации ориентированы на мужчин. Пространство женщины, ее территория – это дом. Ей приходится ограничиваться пределами этой территории. Поэтому церковь была и остается единственной отдушиной; женщины ждут воскресенья.

Так что эти двадцать пять процентов – женщины. Возможно, в них также входят некоторые мужчины, которые боятся отпускать своих жен одних, и некоторые мужчины, которые ходят в церковь, чтобы найти себе новую подружку. Но это не имеет никакого отношения к религии.

Д. Т. Судзуки появился на Западе с новым подходом к жизни. Людям он понравился, потому что это был очень образованный человек, очень ученый, и он открыл западному уму совершенно новую концепцию религии. Но она так и осталась концепцией, рассуждением; глубже этого она не пошла.

Нечто подобное произошло в Китае. До того как в Китае появился Бодхидхарма, Китай уже был обращен в буддизм. Бодхидхарма пришел туда четырнадцать столетий назад, однако философия и религия Гаутамы Будды проникла в Китай две тысячи лет назад – за шестьсот лет до того, как туда пришел Бодхидхарма. За эти шестьсот лет схоласты обратили в буддизм весь Китай.

В те дни обратить всю страну было легко. Нужно было просто обратиться императора, и тогда обращенными оказывались весь его двор, вся армия и вся бюрократия. А когда император со всей своей бюрократией, армией и всеми так называемыми мудрецами императорского двора становились обращенными, народные массы просто следовали за ними.

Народные массы никогда ничего не решали сами. Они просто смотрели на тех людей, которые провозглашали себя великими – по власти, по уму, по богатству. Если эти люди становились обращенными, народные массы просто следовали за ними.

И вот, за эти шестьсот лет в Китай приходили тысячи буддистских ученых-схоластов, которые обратили Китай – императоров, правителей. Но, тем не менее, это еще не было подлинным посланием Гаутамы Будды. Хотя Китай и стал буддистским, будда еще не появился.

Бодхидхарма был послан своим мастером; им была женщина. Она сказала: «Схоласты подготовили путь, теперь отправляйся ты. Ты там чрезвычайно нужен». Бодхидхарма был первым буддой, пришедшим в Китай, и он принес совершенно другое понимание – не понимание ума, а понимание не-ума.

Запад полностью готов для манифеста Дзен. Интеллектуально, Д. Т. Судзуки, Алан Уотс и многие другие – мы будем говорить о каждом из них – подготовили дорогу. Теперь нужен только Бодхидхарма, Гаутама Будда или Махакэшьяпа, кто-то, чей Дзен – не одна лишь философия, а подлинное переживание «не-Я», подлинное переживание погружения в небытие.

И, погружившись в небытие, вы удивитесь тому, что бояться нечего. Это ваш истинный дом. Теперь вы можете праздновать, потому что нет ничего большего, чем эта тайна. Это небытие открывает все двери. Пока вы ограничены своим «Я», само представление об отдельности от Существования заставляет вас страдать.

Вам нужно найти способы, а эти способы легко найти лишь тогда, когда есть кто-то, кто уже прошел по пути, кто знает, что небытие – это не что-то пустое. Исчезая, вы на самом деле не исчезаете, вы становитесь Целым. Если смотреть отсюда, это выглядит так, как будто вы исчезаете; если смотреть оттуда, это выглядит так, как будто вы становитесь Целым. Спросите у капли росы.

Я уже рассказывал вам о Кабире...

Когда он впервые погрузился в небытие, он тут же написал прекрасное стихотворение, в котором есть такая строка: «Капля росы упала в океан». Его стихи очень красивы:

«*Херат херат хей сахи, райя кабир херайя*» – «О, мой друг, мой возлюбленный, я отправился на поиски себя, но случилось что-то странное. Вместо того чтобы найти себя, я исчез точно так же, как капля росы исчезает в океане».

«*Бунд самани самунд мен со кат хери джайи*» – «Капля росы исчезла в океане. Как теперь снова найти ее?»

Это было его первым переживанием. Потом он стал все больше и больше осознавать океан и совершенно забыл о капле. Перед смертью он позвал своего сына Камала. Несомненно, Кабир выбрал для него правильное имя. «Камал» означает «чудо» – и сын Кабира действительно был чудом. Кабир позвал Камала и сказал ему:

– Вскоре я собираюсь покинуть свое тело. Прежде, чем я уйду, ты должен исправить одно из моих стихотворений. Лишь небольшое изменение...

Я написал: «*Бунд самани самунд мен*» – «Капля росы погрузилась в океан». Ты должен это изменить. Просто поменяй местами слова: «*Самунд самана бунд мен*» – «Океан исчез в капле росы» – потому что теперь я вижу это с другой стороны.

Мое первое переживание было на *этом* берегу; а сейчас я говорю с дальнего берега, оттуда. Теперь я знаю, что капля не падала в океан; это океан упал в каплю.

Камал ответил:

– Я с самого начала сомневался в этой строке. Я могу показать тебе свою версию.

И он показал Кабиру свой вариант записи этого стиха – в нем эта строка была вычеркнута.

Кабир сказал:

– Ты поистине *камал*. Ты – чудо. Ты понял это раньше меня.

И они вычеркнули строку.

Камал ответил:

– Я с самого начала подозревал, что это – заявление новичка, первое заявление, которое делает человек в момент встречи с небытием. Но когда он *становится* небытием, это утверждение оказывается совершенно неправильным. И поэтому теперь, когда перед самой смертью ты одумался, я могу порадоваться, что ты больше не новичок, ты стал частью Целого.

И он записал новую строку: «Океан упал в каплю росы».

Я уже говорил вам, что Кабир назвал своего единственного сына Камалом, «чудом», потому что этот юноша, несомненно, был необычным человеком. В некоторых ситуациях на него сердился даже сам Кабир, потому что тот задавал вопросы, на которые даже Кабир не мог ответить. И это всегда происходило в присутствии тысяч последователей Кабира. Его единственный сын вставал и заставлял отца чувствовать себя неловко, поскольку тот был не в состоянии ответить на вопрос.

Однажды Кабир очень разозлился – должно быть, это еще до его просветления – и сказал Камалу: «*Буда вани Камал ка*» – «Мой род заканчивается на мне, Камал!»

Говоря «мой род», он имел в виду то, что люди Дзен называют своим наследием, своей линией преемственности, своими мастерами. Они имеют в виду не родителей.

Кабир сказал:

– Мой род заканчивается на мне. Я не могу тебе доверять.

Камал ответил:

– Если ты не можешь доверять мне, то не можешь доверять и самому себе. Но поскольку этой фразой ты от меня отрекся, я не останусь в твоём доме. Я построю рядом с ним маленькую хижину, так чтобы, когда легковверные люди придут к тебе, а потом отправятся обратно домой, я мог развеять навязанные им убеждения.

И он обосновался прямо напротив дома Кабира, и поскольку все знали, что он – сын Кабира, то, прежде чем уйти от Кабира, люди заходили отдать дань уважения также и его сыну.

Даже император царства Варанаси был приверженцем Кабира. Кабир был бедным человеком, ткачом. Как-то раз император Варанаси, который уже несколько дней не встречал Камала, – а император приходил послушать Кабира почти каждый день и заметил, что Камал отсутствует, – спросил Кабира:

– Где Камал?

Кабир ответил:

– Это грустная история. Я просто как-то рассердился и сказал ему, что мой род заканчивается на мне, а он тут же ушел прочь, сказав: «Если твой род заканчивается на тебе, я больше не принадлежу твоему роду». Он живет отдельно, прямо напротив моего дома, и смущает моих учеников. Он – моя головная боль! Он ушел из дома, и поэтому я даже не могу ничего сказать. Он постоянно находится там.

Император Каши⁴ сказал:

– Я могу пойти и поговорить с ним, но какие у вас с ним проблемы?

Кабир ответил:

– Тысячи проблем. Люди приносят деньги, алмазы, изумруды и всевозможные ценности, а поскольку мне ничего этого не нужно, я от всего отказываюсь. А он сидит рядом со мной и говорит им: «Хорошо, если он отказывается, давайте все это мне. Как бы то ни было, нехорошо, что вы пришли с подношением и уходите отвергнутыми. Преподнесите все это мне».

И вот, я отказываюсь, а он собирает. Я говорю ему, что это неправильно, но он отвечает: «Думай о себе. Я сам знаю, что правильно и что неправильно. Не указывай мне! Я не твой ученик, я твой сын».

Тогда император сказал:

– Не волнуйся, я пойду и во всем разберусь.

Он принес с собой огромный бриллиант и сказал Камалу:

– Я принес этот самый дорогой в стране бриллиант в качестве подношения тебе.

Камал ответил:

– Ты можешь вставить его в бамбуковую крышу моей хижины. Если никто его не унесет, он останется там. Иногда я буду видеть, что мою хижину украшает самый драгоценный камень. У меня здесь не так уж много украшений.

Император подумал: «Похоже, Кабир прав: его сын очень умный и хитрый. Он не берет камень, но говорит мне: „Просто оставь его там. Если никто его не унесет, я буду им любоваться“. А когда я уйду, он, конечно, заберет его». После этого император целую неделю не приходил.

Через неделю он пришел и спросил Камала:

– Где тот бриллиант?

Камал ответил:

– Если только его никто взял, он должен быть на крыше. Ты сам его там оставил, так что легко сможешь его найти. У меня не было возможности взглянуть на него. Я смотрю внутрь, а твой бриллиант – снаружи.

Император сказал:

⁴ Старое название индийского города Варанаси.

– Отлично! – а затем посмотрел на крышу и обнаружил алмаз точно в том месте, куда он его поместил.

Позже он сказал Кабиру:

– Ты пал жертвой недоразумения. Твой сын – настоящее чудо. Я думал, что он меня обманывает, но он даже не взглянул на бриллиант, не говоря уж о том, чтобы к нему прикоснуться. Он сказал мне: «Если его кто-то и взял, я об этом не знаю, потому что я смотрю внутрь. Его может взять кто угодно. В моей хижине нет двери, ее никто не охраняет. А мне иногда бывает нужно пойти к Гангу, чтобы помыться, – любой может его взять. Поэтому, если бриллиант еще там, ты его найдешь». И я его нашел, он был там. Камал даже не взглянул на него. Поэтому ты ошибаешься. Твое представление, что его интересует богатство, совершенно ошибочно.

В конце концов, Кабиру пришлось прийти к хижине и сказать Камалу:

– Прости меня, возвращайся. Я был неправ. Ты просто пытался проверить меня: рассержусь я или нет – и я, конечно, рассердился. Я думал, что в тебе говорит жадность.

Камал ответил:

– Я твоя плоть и кровь, самый твой костный мозг. Как ты мог даже подумать, что я могу быть жадным? Ты разозлился и разоблачил сам себя: оказалось, что все твои поучения не злиться, не жадничать были лишь поверхностными.

Какое тебе дело, если я что-то беру; почему тебя это интересует? Должно быть, в тебе есть жадность. И так же, как на поверхность вышел гнев, твоя жадность тоже в любой момент может выйти наружу. Если бы в тебе не было жадности, ты просто был бы свидетелем тому, что Камал берет подношения, вот и все. Это дело Камала – заботиться о своей собственной жизни; это не твое дело. Я не твой ученик. Я сам себе мастер.

Кабир глубоко задумался и согласился с Камалом:

– Пожалуй, ты прав. Моя озабоченность и мой гнев по поводу того, что ты собираешь деньги, говорят о *моей* жадности, а не о твоей, демонстрируют *мой* гнев, а не твой. И ты ушел с такой радостью, прикоснувшись к моим стопам и сказав: «Если ты утверждаешь, что твой род заканчивается на тебе, тогда с меня начнется новый род, сразу после тебя».

Так Камал вернулся в семью. Он был преемником Кабира, и он был гораздо более выдающимся человеком, гораздо более осознающим, бдительным, гораздо более понимающим. Но странное дело: помнят не его, а Кабира. После Кабира осталась организованная религия – *Кабир Пант*, «Путь Кабира». После Камала не осталось ничего. Он никогда не создавал себе никаких последователей. Хотя его слушали сотни людей, он оставался лишь другом. Он помогал людям, делился с ними своим светом, но никогда не давал никаких практик, никаких заповедей, никаких принципов, которым нужно было бы следовать.

Стоит вам познать медитацию, и вам больше не нужно ни за кем следовать. Ваши глаза открыты, и ваш собственный свет указывает вам путь; и все правильное и хорошее происходит без вашего выбора. Не то что вы это делаете, вы просто не можете поступать иначе.

На протяжении шестисот лет буддизм в Китае был не более чем интеллектуальным упражнением, хорошей гимнастикой. Однако Бодхидхарма, придя в Китай, изменил все представление о Дзен. Люди говорили о Дзен как о еще одной философии, что совершенно неверно; как о еще одной религии, что тоже неверно. Дзен – это бунт против ума, а все ваши религии и философии принадлежат уму.

Это единственный бунт против ума, против «Я», единственный бунт, уничтожающий все границы, которые держат вас в заключении, и совершающий квантовый скачок в небытие. Но это небытие очень живое. Это жизнь, это существование. Это не гипотеза. И когда вы совершаете этот прыжок, первым переживанием становится ваше исчезновение. А окончательным переживанием будет то, что вы стали Целым.

Несколько вопросов...

Первый вопрос:

Почему так много мыслящих людей на Западе занялись изучением Дзен?

Они ощущают огромный вакуум и хотят его заполнить. С вакуумом жить невозможно. Вакуум пуст, и из-за этой пустоты жизнь становится грустной, серьезной.

До сих пор все религии заполняли ваш вакуум ложью. Сейчас эта ложь разоблачена. Много для ее разоблачения сделала наука. Кроме того, гигантскую работу по разоблачению всей этой лжи, предлагаемой религиями, проделали великие медитирующие, мистики со всего мира.

Современное человечество находится в странном положении: старое потерпело крах, оказалось обманом, а новое еще не появилось. Поэтому существует разрыв, промежуток, и западная интеллигенция пытается найти что-то, что не окажется новой ложью, не будет просто утешением, но преобразит вас, совершит глубокие изменения в самом вашем существе.

Несомненно, Дзен – это правильный подход к жизни, высшая истина. Без веры во что бы то ни было, не становясь последователем или верующим, вы просто входите в свое собственное внутреннее пространство и попадаете в безграничное небытие Целого. Но это то же самое небытие, из которого вы появились и в которое снова возвращаетесь.

И когда источник и конечная цель станут единым целым, наступит величайшее празднование. В этом праздновании не будет вас, но в нем будет участвовать все существование. Деревья будут разбрасывать цветы, птицы будут петь песни, и все океаны и реки будут веселиться.

В то мгновение, когда ваше сердце растворяется в сердце Вселенной, все существование становится вашим домом. Именно тогда происходит Дзен. В результате этого растворения во Вселенной вы возвращаетесь к первоначальному источнику – свежему, вечному, безвременному, всеобъемлющему. Единственное, что нужно, – это свобода от «Я». В этом вся суть Дзен.

Вы слышали о разных свободах: о политической, психологической, экономической свободе – существует много видов свободы. Но высшая свобода – это Дзен, свобода от самого себя. Это не нужно принимать на веру, это необходимо пережить на собственном опыте. Только в таком случае вы познаете. Это вкус. Кто-нибудь может рассказать вам, что сахар сладкий, но если вы его не пробовали, вы слышите слово «сладкий», но не понимаете, что это такое. Единственный способ – это заставить вас съесть что-нибудь сладкое.

Функция мастера в Дзен – заставить вас пережить небытие, или, иными словами, привести вас к вашему собственному небытию. Мастер придумывает методы, а когда они становятся старыми и привычными, отбрасывает их и находит новые методы, новые способы.

Но прошло целых двадцать пять веков с того момента, когда Гаутама Будда без единого слова передал Махакашьяпе цветок лотоса, а затем объявил всем собравшимся ученикам: «То, что я смог сказать, я сказал вам. То, что я сказать не смог, – как бы мне ни хотелось, но это просто невозможно, – я передаю Махакашьяпе». Цветок лотоса был всего лишь символом: пока вы не раскроетесь подобно тому, как цветок лотоса раскрывается под ранним утренним солнцем, когда капли росы жемчужинами сияют на лotosовых листьях... Это безмолвная передача светильника. Ничего не сказано.

Махакашьяпа впервые приблизился к Будде, принял цветок, прикоснулся к его стопам, отошел обратно и молча уселся под своим деревом. Махакашьяпа – первый патриарх Дзен. Таким образом, линия Дзен, семья Дзен, – это ответвление, безмолвное ответвление буддизма. Люди Дзен любят Гаутаму Будду, потому что Дзен фактически начался с его исчезновением. Он передал его Махакашьяпе, а затем уже сам Махакашьяпа должен был найти людей, которым он мог бы его передать.

И с того момента на протяжении двадцати пяти веков Дзен передавался без каких-либо условных средств, без какого-либо языка, от мастера к ученику, от того, кто вернулся домой, тому, кто еще скитается и не может найти дорогу.

Мастер действует как друг. Он держит вас за руку и выводит на правильный путь, он помогает вам открыть глаза, помогает выйти за пределы ума. Именно тогда открывается ваш «третий глаз», и вы начинаете смотреть внутрь. Как только вы начали смотреть внутрь, работа мастера завершена. Теперь все в ваших руках.

Вы можете пересечь этот маленький промежуток между вашим умом и не-умом за единое мгновение величайшей интенсивности и настойчивости. Или можете преодолевать его медленно, нерешительно, останавливаясь, страшаясь того, что вы теряете контроль разума, теряете индивидуальность, что все границы исчезают. Что вы делаете? Вы можете задуматься: «Возможно, это приведет к полному краху; возможно, ты не сможешь вернуть себе свой рассудок. И кто знает, что может случиться дальше? Все исчезает...»

Если вы уделяете слишком много внимания тому, что исчезает, вы можете остановиться из-за страха. Мастер все время фокусирует ваш ум на том, что происходит, а не на том, что исчезает. Он все время заставляет вас обращать внимание на блаженство, на безмолвие, которое на вас нисходит. Наблюдайте этот покой, наблюдайте эту радость, наблюдайте этот экстаз. Он все время делает акцент на том, что происходит, а не на том, что исчезает, – беспокойство, разочарование, тревога, тоска, он не позволяет вам даже обращать на них внимание. Не стоит хранить то, что исчезает. Просто продолжайте наблюдать за тем, что появляется из небытия.

Таким образом вы набираетесь храбрости, становитесь отважнее. Вы знаете, что не случится ничего плохого. С каждым дюймом движения происходят все более замечательные вещи. И, наконец, когда вы входите в самый источник, в центр своего существа, на вас изливается вся Вселенная, в точности как сказал перед смертью Кабир: «Целый океан упал в каплю росы».

После того как вы испытали это блаженство, этот экстаз, это божественное опьянение, какое вам дело до индивидуальности? Какое вам дело до «Я»? Что дало вам это «Я», кроме беспокойства, кроме ада? А это небытие такое чистое, безграничное. Впервые вы нашли бесконечность, вечность, и все тайны Существования вдруг открыли перед вами свои двери. И они продолжают открываться... дверь за дверью...

Этому путешествию нет конца, это бесконечное паломничество. Вы все время прибываете, прибываете и прибываете, но никогда не прибудете. С каждым мгновением вы все глубже погружаетесь в блаженство, в экстаз, в истину, и предела этому нет.

Манифест Дзен абсолютно необходим, потому что все старые религии разваливаются на части, и, прежде чем они развалятся и человечество окончательно спятит, Дзен нужно как можно шире распространить по всей земле. Нужно построить новый дом, прежде чем разрушится старый.

И на этот раз не совершайте ту же ошибку. Вы жили в доме, которого не было, поэтому вы страдали от дождя, зимы, солнца – ведь этот дом существовал лишь в воображении. На этот раз действительно войдите в свой подлинный дом, а не в какой-то искусственный храм, не в какую-то искусственную религию. Войдите в свое собственное существование. Зачем постоянно быть копией под копию?

Сейчас очень ценное время. Вы родились в очень удачный момент, когда старое перестало быть пригодным, потеряло свою нерушимость, когда старое просто окружает вас, потому что вам не хватает храбрости выйти из этой тюрьмы. Ведь двери открыты – по сути, никаких дверей никогда и не было, потому что дом, в котором вы живете, полностью воображаемый. Ваши боги – плод воображения, ваши священники – плод воображения, ваши священные писания – плод воображения.

На этот раз не повторяйте ту же ошибку. На этот раз человечество должно совершить квантовый скачок от старой прогнившей лжи к свежей, вечно свежей истине.

Это манифест Дзен.

Второй вопрос:

Д. Т. Судзуки, человек, познакомивший западную интеллигенцию с Дзен, сказал: «Дзен нужно хватать голыми руками, без перчаток».

Не мог бы ты это прокомментировать?

Его высказывание прекрасно с точки зрения разума. Вы должны схватить Дзен голыми руками, без перчаток. Он имеет в виду, что вы должны войти в мир Дзен без всяких убеждений, без гарантий безопасности, без перчаток. Вы должны войти в Дзен с голыми руками, обнаженными.

Но, тем не менее, его высказывание остается интеллектуальным. Он не был ни мастером Дзен, ни даже человеком Дзен. Если бы он был мастером Дзен, он не мог бы этого сказать. Мастер Дзен не может сказать, что Дзен нужно *хватать*. Вопрос не в том, чтобы схватить Дзен. Это старый язык ума, «завоевания природы». Только теперь речь идет о завоевании Дзен.

Дзен – это ваша реальность. Кого вы собираетесь хватать? Кого вы собираетесь завоевывать? Вы *и есть* Дзен.

И что он подразумевает под «голыми руками»? Руками туда не дотянуться, будь они голыми или в перчатках. Руки символизируют движение вовне, они всегда направлены наружу. Все ваши органы чувств открыты наружу, они все экстраверты. Ваши уши слышат звук, который приходит снаружи; глаза видят цвета, свет, который приходит снаружи, рука все время хватается то, что снаружи. Ни один из ваших органов чувств не может достичь внутреннего. Для внутреннего имеется другая чувствительность, «третий глаз». Рук там нет.

Прямо между вашими двумя бровями, точно посередине, расположено место, из которого можно смотреть внутрь. Когда вы с закрытыми глазами пытаетесь посмотреть внутрь, устремляетесь к своему центру, вы всегда затрагиваете «третий глаз». Поскольку он веками не открывался, он просто забыл, как открываться. Поэтому ежедневная медитация... и однажды вы неожиданно обнаружите, что этот глаз открылся, и весь путь свободен и ясен. Вам осталось просто пройти в центр.

Теперь никаких рук нет, и вопроса о завоевании не возникает. Это сама ваша сущность. Само представление о том, что Дзен нужно схватить, создает двойственность: вы – человек, который собирается схватить Дзен, а Дзен – это нечто отличное от вас. Это порождает двойственность. Именно это позволяет мне ясно понять, является человек просто интеллектуалом, или у него есть опыт. У меня есть свой безошибочный критерий, позволяющий распознать, что человек говорит лишь из ума. Каким бы умным ни был Д. Т. Судзуки, я говорю вам, что он не мастер; он все еще живет в двойственности.

Ум двойствен, он всегда разделяет все на полярные противоположности: завоеватель и завоевываемое, наблюдатель и наблюдаемое, объект и субъект, день и ночь. Он все время разделяет неделимое. День неотделим от ночи, рождение неотделимо от смерти. Это одна энергия. Но ум постоянно разделяет все на полярности, на противоположности. В Существовании нет ничего противоположного; все противоречия только кажущиеся. Глубоко внутри все противоречия сходятся воедино.

Поэтому когда кто-то говорит: «Схватить, завоевать», он все еще говорит на языке ума и по-прежнему остается насильственным. Об этом свидетельствуют его слова.

Дзен не должен быть ни объектом, ни субъектом. Это трансцендентальное переживание. Это выход за пределы всех видов двойственности: наблюдатель и наблюдаемое становятся единым целым, познающий и познаваемое становятся единым целым. Так что дело не в завоевании или захвате, а просто в расслаблении в самом себе.

Это не борьба и не война, а полное успокоение, глубокое погружение в свой собственный покой. И по мере того, как вы погружаетесь все глубже и глубже, вы обнаруживаете, что растворяетесь. В тот момент, когда вы становитесь единым с существованием, вы приходите к своей сущности. И это возможно только через расслабление, через покой.

Утверждение Судзуки рационально, но не сущностно, а Дзен – это единственный во всем мире сущностный подход.

Маленькая биографическая справка. Как-то раз, совершая путешествие, Танка Теннен остановился на ночлег в храме...

Вам известно значение имени Теннен; оно означает «абсолютно естественный».

Дзен – это ваша сущность; и совершенно не важно, знаете вы об этом или нет. Если вы это знаете, вы не будете напрасно спотыкаться, не будете снова и снова падать в одни и те же ямы. Если вы знаете, вы будете идти как человек, у которого есть глаза. Если же вы не знаете, то будете идти с закрытыми глазами. Всю свою жизнь вы будете напрасно страдать от невзгод, напряжения, беспокойства. Однако для вашей внутренней сущности нет никакой разницы. Вы все время являетесь буддой – и во сне, и бодрствуя, знаете вы об этом или нет. Если вы знаете, жизнь становится блаженством. Если не знаете, жизнь становится страданием.

Так что это просто вы. Если вы готовы глубоко погрузиться в себя, оставаясь в глубоком покое... Это не победа, это просто вспоминание того, что буддовость – это ваша сущность, ваша *дхамма*.

Танка Теннен остановился на ночлег в храме. Было так холодно, что он разжег костер, используя в качестве дров одну из деревянных статуй Будды. Когда на следующее утро монахи из храма набросились на него с кулаками, Танка объяснил, что он сжег статую для того, чтобы взять кости Будды.

– Откуда у деревянной статуи возьмутся кости? – спросил Танку Теннена монах.

– А тогда почему вы на меня набросились? – ответил Танка.

Только человек огромного понимания, только человек, познавший свою буддовость, может сжечь ночью статую Будды. Ночь была такой холодной; настоящий будда страдал от холода, а ненастоящий будда стоял на пьедестале, поэтому Танка взял одну из статуй – это была деревянная статуя – сжег ее и был совершенно счастлив.

Утром, когда монахи из храма обнаружили, что он сжег статую Будды, они, конечно, очень рассердились.

– Что ты за человек? Мы думали, что ты Дзен-мастер, а ты уничтожил одного из наших самых ценных Будд. Зачем ты это сделал?

Танка ответил:

– Ночь была очень холодной.

Он просто показывал этим монахам: «Вы забыли свою сущность будды и поклоняетесь статуям, созданным человеком. Будды поклоняются статуям из дерева, камня или мрамора – это абсурд! Что за духовный сон овладел вами? Вы что, совсем забыли, кто вы такие?»

Поэтому он сказал:

– Ночь была холодной, и будда очень замерз. И здесь же сидел фальшивый будда. Я сжег статую; это было всего лишь дерево. – И чтобы внести полную ясность, он добавил: – Я пытался найти кости Будды.

В мире Будды кости будды называют «цветами». Когда будда пробуждается, даже его кости перестают быть костями, и потому их называют не костями, а «цветами». Постепенно, постепенно в Индии распространился такой обычай, что кости любого человека, когда он умирает...

В Индии тело должно быть сожжено на погребальном костре, и на третий день, когда костер полностью остынет и тело полностью сгорит, родственники и друзья идут на место сожжения, чтобы собрать «цветы». Это так называется. Они собирают кости. Эти кости нужно

опустить либо в реку, либо в океан, чтобы они обрели вечный покой, – но их не называют костями.

Впервые «цветами» называли кости Гаутамы Будды. Разве можно сказать, что кости Гаутамы Будды – это просто кости? В этом теле жил самый пробужденный человек; из этого тела исходило великолепие, блаженство, возникающее из ниоткуда. Именно поэтому Будда сказал: «Само это тело – будда, и сама эта земля – лотосовый рай».

Когда вы познаете свое небытие, оно начинает сиять. Это сияние исходит даже из ваших костей, ваших глаз, вашей кожи – все приобретает новую благодать, новое величие, новое великолепие. Ваши слова становятся золотыми, ваше молчание становится невероятно ценным – песней без звука. Даже когда будда идет, его тело выражает его буддовость. Если будда смотрит вам в глаза, его глаза выражают высшую истину. Независимо от того, говорит он что-нибудь или нет, он непрерывно распространяет вокруг себя определенную энергию. Он – излучатель, испускающий высшее блаженство.

Поэтому естественно, что если такой человек, как Гаутама Будда, стал просветленным в сорок два года и после этого жил еще сорок лет – на протяжении сорока лет Будда пребывал в этих костях, плоти и коже – то разве возможно, чтобы все эти кости и кожа не были затронуты этой потрясающей метаморфозой? Отсюда происходит это выражение – «цветы».

Переводчик сутры забыл об этом. Он просто говорит, что Танка Теннен сказал: «Мне нужно было сжечь статую, чтобы взять *кости* Гаутамы Будды» – не цветы. Но с изменением сознания меняется все. Все становится невообразимо прекрасным.

Танка сказал это, чтобы спровоцировать монахов, поставить их в тупик. Главный священник храма, конечно, сразу же сказал: «Откуда у деревянной статуи возьмутся кости?» Откуда у деревянной статуи возьмутся «цветы»?

Танка доказал свою правоту. Он говорит, что деревянная статуя – это не будда, что у нее нет даже костей, у нее нет даже «цветов» Будды. Это просто кусок дерева, которому придали определенную форму. Можно придать дереву форму, но нельзя сделать его буддой.

Монахам нечего было на это ответить, и тогда Танка спросил: «А тогда почему вы на меня набросились? Почему вы сердитесь на меня?»

Есть много вариантов этой истории. Вариант, который нравится мне – и я не знаю, есть он в священных писаниях или нет, – не знаю, откуда я его взял, но я совершенно уверен, что этот вариант правильный.

Танку Теннена обнаружили не утром, а посреди ночи, когда священники увидели, что в храме горит огонь, потому что они спали в храме. Верховный священник прибежал с криком:

– Ты что, с ума сошел? Что ты делаешь? Ты сжег одного из моих самых ценных Будд!

Тогда Танка взял свой посох – а будда уже почти догорел – и начал искать «цветы» в углях, оставшихся от статуи. Верховный священник спросил:

– Что ты делаешь?

Танка ответил:

– Я ищу цветы Будды. Я слышал, что у Будды были кости, и что они превратились в цветы. Я ищу эти цветы.

Верховный священник рассмеялся. Он сказал:

– Несомненно, ты сумасшедший. Это просто деревянная статуя, это не Будда!

Тогда Танка Теннен воскликнул:

– Ага! Так это не Будда! А ночь еще так длинна и очень холодна, а у вас здесь так много деревянных статуй; пожалуйста, принесите еще одну или две.

Верховный священник сказал:

– Ты очень опасный парень! Я не могу допустить, чтобы ты оставался в храме. – И он выгнал Танку Теннена из храма прямо посреди ночи.

Стояла холодная, морозная зима, и Танка Теннен сказал:

– Что вы делаете? Вы – *мой* верховный священник, и вы выгоняете *меня* из храма. Только для того, чтобы сохранить свои деревянные статуи, вы выгоняете будду!

Но верховный священник не слушал, он просто вытолкал его вон и запер двери.

А утром, открыв двери, он увидел, что Танка Теннен сидит у дороги рядом с мыльным камнем. Собрав немного диких цветов и положив их на мыльный камень, он сидел перед ним и пел прекрасную мантру, которую ученики обычно пели перед Буддой: «*Буддам шаранам гаччами*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.